

«МИФЫ И ПРИЗРАКИ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Э. Кассирер

Технологии современных политических мифов (Из книги «Миф о государстве»¹)

Если попытаться разложить на составные части современные нам политические мифы, обнаружится, что мы не найдем в них ничего, что было бы для нас совершенной новостью. Все их элементы уже хорошо известны. И принадлежащая Карлейлю теория почитания героев, и тезисы Гобино о фундаментальной роли морали и об интеллектуальном разнообразии рас в прошлом уже не единожды обсуждались. Но дискуссии эти в определенном смысле оставались чисто академическими. Для того же чтобы превратить старые идеи в мощное и действенное оружие политики требовалось нечто большее. Они должны были быть приспособлены к пониманию новой, иной, чем прежде, аудитории. Для этой цели требовалось новое орудие – мысль должна была быть дополнена действием. Следовало применить новую технологию. Она и была последним, решающим фактором. Говоря языком науки, данная технология послужила катализатором процесса. Она ускорила все реакции и позволила им получить завершение. Почва для *Мифа XX в.* была подготовлена давным-давно, однако, без умелого применения нового технологического орудия она не способна была приносить плодов.

Общие условия, благоприятные для такого развития событий и способствовавшие победе этой тенденции, сложились в период после первой мировой войны. В то время все перенесшие войну страны столкнулись с одинаковыми и весьма серьезными трудностями. Пришло осознание того, что даже странам-победительницам война не принесла истинных решений ни в одной из проблемных областей. То тут, то там возникали новые вопросы. Конфликты –

международного, социального, гуманитарного характера – только обострялись. Это ощущалось повсеместно. В Англии, во Франции и в Северной Америке сохранялась все же некая перспектива разрешения этих конфликтов обычными нормативными средствами. По-иному обстояли дела в Германии, где проблема становилась с каждым днем все острее и запутанней. Главы Веймарской республики делали все возможное для того, чтобы решить ее при помощи дипломатических процедур и законодательных актов. Но, кажется, все эти усилия были тщетными. Во времена инфляции и безработицы над социально-экономической системой Германии нависла угроза коллапса. Нормативные ресурсы, казалось, были исчерпаны. Подобное и стало той питательной почвой, на которой способны произрастать политические мифы.

Но даже в первобытных обществах, где миф обладает всепроникающим характером, повелевая надо всеми социальными чувствами, всем социальным бытием людей, он не всегда воздействует на них одинаково и с одинаковой силой. Наибольшей его сила бывает во времена, когда человек сталкивается с необычными и опасными ситуациями. Этот момент неоднократно подчеркивал Малиновски, проживший много лет среди аборигенов Тробрианских островов и давший нам вдумчивый анализ их мифологических представлений, их магических ритуалов. Он указывал на то, что даже в первобытных обществах использование магии ограничено особыми сферами деятельности. Человек не пользуется магией в тех случаях, где можно обойтись сравнительно простыми техниками и приспособлениями. Магия возникает лишь там, где перед человеком встают задачи, намного превосходящие его естественные потенции. Однако всегда остается некая сфера, не затронутая магией и мифологией, – ее можно назвать секулярной сферой. В ней человек полагается на собственные способности, а не на силу магических ритуалов и заговоров. «Когда туземцу нужно смастерить себе какое-то приспособление, – пишет Малиновски в «Основаниях веры и морали», – он не прибегает к магии. В выборе материала, в том, как он рубит, режет и полирует лезвие, он является истинным эмпириком, т. е. осуществляет научный подход. Он полагается исключительно на собственные умения, на свой разум и выносливость. Не будет преувеличением сказать, что во всех делах, в коих достаточно одного только разума, туземец только на

разум и полагается...». Абориген Центральной Австралии владеет истинной наукой – познаниями, то есть для него традиция находится под полным контролем опыта и разума, мистические элементы никак на нее не влияют.

* * *

Существует некий передаваемый из поколения в поколение свод правил, в соответствии с которым люди существуют в своих уютных жилищах, добывают огонь трением, занимаются сбором и приготовлением пищи, любят друг друга и ссорятся... О том, что эти мирские правила действуют пластично, селективно и разумно, свидетельствует тот факт, что абориген всегда берет на вооружение новые подходящие ему материалы². В любой из задач, не требующих ни исключительных усилий, ни особого мужества или выносливости, мы не находим ни магии, ни мифологии. Высокоразвитых магических искусств и связанной с ними мифологии требуют опасные предприятия, чреватые неопределенным исходом.

Все сказанное о магии и мифологии в первобытных обществах в равной мере применимо к высокоразвитым стадиям политической жизни. Попав в отчаянную ситуацию, человек всегда будет прибегать к отчаянным средствам. Таковыми являются и наши сегодняшние политические мифы. Случись разуму предать нас, останется всегда еще и *ultima ratio*, сила загадочного и мистического. Примитивные общества не знали писаных законов, установлений, институций, конституций, биллей о правах и политических хартий. И несмотря на это, самые примитивные формы общественной жизни свидетельствуют об очень ясной и строгой организации. Члены этих обществ живут отнюдь не в состоянии анархии или неразберихи. Пожалуй, самые примитивные из известных нам обществ – те тотемические племена, которые мы находим у американских аборигенов, и те из племен Северной и Центральной Австралии, которые были хорошо изучены и описаны в работах Спенсера и Гиллена. В этих тотемических обществах мы не находим сложной, развитой мифологии, какая была у греков, индийцев или египтян; они не поклоняются персонифицированным богам, великие силы природы также не персонифицируются. Другая, еще

более могучая сила объединяет их: явственно различимый ритуал, основанный на мифических представлениях – вере в то, что их предками были животные. Каждый член группы принадлежит к своему тотемному клану; это делает его звеном в цепи устойчивой традиции. Член клана должен воздерживаться от употребления в пищу определенных видов еды; он должен следовать очень строгим правилам экзогамии и эндогамии; с определенными интервалами, в одном и том же строгом порядке должен он исполнять одни и те же ритуалы, представляющие собой драматизированное изображение жизни его тотемных предков. Все это вменяется членам племени не силой, а их глубинными мифическими представлениями, принуждающему воздействию которых невозможно противостоять; этим обязанности никогда не ставятся под вопрос.

Позже появляются другие, политические и социальные силы. Кажется, мифическая организация общества вытесняется рациональной. В спокойные мирные времена, в периоды относительной стабильности и безопасности поддерживать рациональную организацию не составляет труда. Создается впечатление, что ей не страшны никакие потрясения. Но политике неведомо состояние устойчивого равновесия. Равновесие здесь имеет скорее динамический характер. Жизнь в политике подобна жизни на вулкане. Мы всегда должны быть готовы к внезапным толчками и извержениям. Во все критические моменты общественной жизни рациональные силы, способные противостоять старым мифологическим представлениям, чувствуют себя неуверенно. В такие моменты вновь наступает время мифа. Ведь миф никогда не бывает полностью уничтожен, подавлен. Он всегда где-то рядом, маячит на заднем плане и ждет своего часа. Этот час наступает всякий раз, когда другие силы-связки общественной жизни людей слабеют и утрачивают способность блокировать демонические силы мифа.

Французский ученый Э.Дутте написал очень интересную книгу «Магия и религия в Северной Африке». В ней он пытается дать краткое и ясное определение мифа. По мнению Дутте, боги и демоны, фигурирующие в жизни первобытных обществ, суть не что иное, как персонификации коллективных желаний. Миф, говорит Дутте, это **le désir collectif personifié** – **персонифицированное коллективное желание**. Это определение было сделано около тридцати пяти лет назад. Конечно, автор не знал и не думал о наших

нынешних политических проблемах. Он мыслил как антрополог, занимающийся религиозными обрядами и магическими ритуалами некоторых первобытных племен Северной Африки. Однако эта формула Дутте может быть использована как самое лаконичное и острое выражение современной идеи вождизма или диктатуры. Призыв к вождизму раздастся лишь тогда, когда коллективное желание достигает всепреодолевающей силы, между тем как все надежды на исполнение желания обычным, нормальным путем тают. В такие времена это желание не только обостряется, но и персонифицируется. Он возникает перед людьми в конкретном, живом, индивидуализированном облике. Интенсивность коллективного желания находит свое воплощение в вожде. Прежние социальные связи – закон, правосудие, конституции – объявляются утратившими силу. Все, что остается, – это мистическая власть и авторитет вождя и воля вождя в качестве высшего закона.

Ясно, однако, что тяга к персонификации коллективного желания не может удовлетворяться цивилизованной нацией так же, как она удовлетворяется племенем дикарей. Конечно же, и цивилизованный человек подвержен самым неистовым страстям, и, когда эти страсти достигают кульминации, он также склонен ощущать иррациональные импульсы. Но даже в этом случае он не может полностью забыть о рациональности, отринуть требование рациональности. Ведь даже для веры ему нужны доводы в пользу этой веры, ему нужна теория для обоснования собственного кредо, причем далеко не примитивная, а напротив, в высшей степени изощренная.

Нам легко понять присущее дикарям убеждение, что все человеческие и вообще природные силы можно собрать воедино, сконцентрировав их в одном человеке. Шаман, если он знает свое дело, обучен магическим заговорам и понимает, как, когда и в какой последовательности пускать их в ход, оказывается существом всесильным. Он может отвести любую «порчу» и победить любого врага; в его власти находятся все силы природы. Подобное настолько не согласуется с современным пониманием, что должно казаться нам непостижимым. Однако и современный человек, при всем его неверии в природную магию, продолжает хранить веру в магию социальную. Если некая коллективная потребность начинает звучать в полную силу, люди с легкостью обретают веру в

то, что для реализации этой потребности достаточно только найти подходящего человека. Отсюда та влияние, которой обладала теория поклонения герою, автором которой был Карлейль. Она претендовала на роль рационального обоснования неких концепций, хотя те сами по себе отнюдь не являлись рациональными ни по происхождению, ни по интенции. Карлейль подчеркивал, что поклонение герою является необходимым элементом человеческой истории и прекратится только вместе с исчезновением рода людского. «Во все эпохи мировой истории мы находили Великого Человека, который оказывался спасителем мира – той искрой, без которой не возгорится пламя»³; мир великих людей несет в себе веру в мудрость, целительную для каждого из нас.

Но сам Карлейль не считал свою теорию некой определенной политической программой. Его героизм исполнен романтизма и сильно рознится от героизма современной *Realpolitik*. Современным политикам приходится прибегать к гораздо более радикальным средствам. Стоящая перед ними проблема подобна вычислению квадратуры круга. Историки великой цивилизации поведали нам, что человечеству в своем развитии пришлось пройти через разные стадии. Изначальный человек был *homo magus*; но век магии уступил место веку техники. Так магический человек прошлой первобытной цивилизации стал мастеровым и ремесленником – *homo faber*. Но ведь если признать данное историческое различие за истинное, наши современные политические мифы будут выглядеть на их фоне странно и парадоксально. Ибо в них мы обнаруживаем смешение двух по видимости взаимоисключающих видов деятельности. Современному политику приходится соединять в одном лице две до несовместимости различные функции. Он должен выступать одновременно и как *homo magus*, и как *homo faber*. Он – проповедник новой, совершенно иррациональной и мистической религии. Но при необходимости пропагандировать, защищать свою религию он действует крайне методично. Он не оставляет места случайности, каждый его шаг заранее рассчитан и преднамерен. Подобная странная комбинация представляет собой самую поразительную черту современных политических мифов.

Миф всегда определяли как результат бессознательной деятельности, как продукт свободного воображения. Но в нашем случае миф создается по плану. Новые политические мифы не

возникают сами собой, будучи дикими плодами чьего-то буйного воображения. Они – артефакты, изготовленные искусными и хитрыми ремесленниками. На долю XX в., нашего великого технического столетия, выпало создать новую технологию мифотворчества. Теперь миф производится в том же смысле и с использованием тех же методов, что и для производства любого другого современного оружия, будь то автоматы или аэропланы. Это чрезвычайно важное новшество. Оно изменило сам облик нашей общественной жизни. В 1933 г. весь мир политики был обеспокоен перевооружением Германии и возможными международными последствиями этого. В действительности перевооружение началось за много лет до этого, но оставалось почти не замеченным. Настоящим оно стало с возникновением и нарастанием соответствующих политических мифов. Последовавшее за этим военное перевооружение лишь сопровождало этот процесс. Главное случилось раньше, военное же перевооружение было лишь неизбежным следствием того духовного перевооружения, которое ранее произвели политические мифы.

Первым делом предстояло реформировать функцию языка. Если проследить развитие человеческой речи, то окажется, что слову в истории человеческой цивилизации были приданы две совершенно разные функции. Коротко говоря, речь идет о семантическом и магическом использовании слова. Семантическая функция присутствует во всех, даже в т. н. примитивных языках; без нее невозможна сама человеческая речь. Но в первобытных обществах преобладающим влиянием пользуется магическое слово. Последнее не описывает ни вещи, ни их связи; оно пытается производить воздействия и менять ход природы. Подобное невозможно без отработанных магических техник. Управлять этим миром магии может только маг, колдун. Но в его руках магия становится мощнейшим оружием. Силе его ничто не может противостоять. «*Carmina vel coelo possunt deducere lunam* (магические песнопения и заклинания могут даже Луну стащить с небес)», – говорит колдунья Медея в «Метаморфозах» Овидия.

Все это, как ни странно, воспроизводится нашим современным миром. Знакомство с политическими мифами модерна, с тем, каким образом эти мифы используются, удивит нас не только заключенной в них переоценкой всех этических ценностей, но и из-

менением обычного человеческого языка. Мир магии оказывается здесь сильнее правил семантики. Теперь, когда мне случается читать немецкие книги, изданные за последнее десятилетие, – книги даже не политические, а теоретические, в них меня поражает собственная неспособность понимать немецкий. Появились новые слова, старые же употребляются в новом значении, так как смысл их претерпел коренные преобразования. Смысловые изменения есть следствие того обстоятельства, что те же самые слова, которые ранее использовались описательно, логически, семантически, теперь служат в качестве слов-заклинаний, назначение коих – производить определенное воздействие, пробуждать определенные эмоции. Обычно слова несут в себе некий смысл, эти же новоиспеченные словечки заряжены чувствами, неистовыми эмоциями.

Не так давно увидела свет одна довольно любопытная книжонка. «*Нацистский немецкий. Словарь современного словоупотребления в немецком языке*». Авторы ее – Хайнц Пехтер, Берта Хелман, Гедвиг Пехтер и Карл О Петель. В этой книжке скрупулезно собраны все порожденные нацистским режимом новые термины, и список получился огромный. Кажется, незатронутыми остались совсем немного слов. Авторы попытались переводить неологизмы на английский язык, но, по-моему, это им не удалось. Вместо настоящего перевода немецких слов и выражений получились иносказания, ибо, к сожалению (а может быть и к счастью), адекватно перевести эти неологизмы на английский практически невозможно, как невозможно отразить в переводе, помимо смысла самих слов, окружающую и пронизывающую их эмоциональную атмосферу. Ее можно только почувствовать, ни перевод, ни перенос ее из одного эмоционального климата в другой невозможны. Для иллюстрации сказанного ограничусь лишь одним, взятым наобум примером. Как можно понять из «Словаря», в немецком языке существовало четкое различие между *Siegfriede* и *Siegerfriede*. Это различие трудноуловимо даже для носителей языка. Слова и выглядят почти одинаково, и означать они должны были бы одно и то же. *Sieg* означает «победа», *Friede* – «мир», каким же образом соединение этих двух слов дает совершенно разные смыслы? Как бы там ни было, нас уверяют, что в современном немецком словоупотреблении между этими словами пролетает целая пропасть. *Siegfriede* – мир, установленный вследствие победы немцев, а *Sieger-*

ergrüede – нечто совсем иное: это мир, навязанный коалицией завоевателей. Подобное же происходит с другими терминами. Авторы их были мастерами политической пропаганды. Они достигали своей цели – возбудить неистовые политические страсти – используя при этом самые простые средства. Вслушиваясь в эти новые слова, мы чувствуем в них весь спектр человеческих эмоций: ненависть, страх, неистовство, презрение, самоуверенность и надменность.

Но умение пользоваться магией слова – это еще не все. Если вы хотите, чтобы слово возымело максимальное действие, его надо дополнить введением новых ритуалов. В этом отношении политические лидеры также очень успешны, они действуют вдумчиво и методично. Каждому политическому шагу соответствует определенный ритуал. Поскольку же в тоталитарном государстве нет приватной сферы, независимой от политической жизни, жизнь каждого человека оказывается пронизанной атмосферой ритуалов. Они так же периодичны, строги и неумолимы, как и в первобытном обществе. У каждого класса, каждого пола и каждой возрастной группы они свои. Без выполнения политического ритуала невозможно ни пройти по улице, ни поприветствовать друзей и соседей. И точно так же, как в первобытных обществах, игнорирование любого из предписанных ритуалов влекло за собой несчастья и гибель. Даже для малых детей подобное не считается простым упущением и рассматривается как их преступление против величия лидера и тоталитарного государства.

Эффект этих новых обрядов налицо. Ничто другое не способно так усыпить наши деятельные силы, нашу способность самостоятельного суждения и критической оценки, лишая нас чувства собственного достоинства и личной ответственности, как это постоянное, непрестанное и монотонное выполнение одних и тех же обрядов. А мы знаем, что всем первобытным обществам, находящимся во власти ритуалов, чувство индивидуальной ответственности неведомо. Им введома только коллективная ответственность. Действительным «субъектом морали» является не индивидуум, а группа. За действия каждого отдельно взятого человека несет ответственность весь клан, вся семья, все его племя. Если совершено преступление, вина за него вменяется отнюдь не индивидууму. Она, подобно миазмам, заразе, распространяется на всю группу. Никто не может избежать инфицирования. Мечь, наказание также

всегда бывают направлены на группу в целом. В тех обществах, где кровная месть почитается за одну из важнейших обязанностей, объектом мести вовсе не обязательно должен быть сам убийца. В некоторых случаях (например, в Новой Гвинее или у сомалийских африканцев) месть направлена не на совершившего убийство, а на его старшего брата.

За последние два столетия полностью изменились наши представления о том, чем жизнь дикарей отличается от жизни цивилизованных людей. В XVIII в. Руссо дал свое знаменитое описание жизни дикарей, находящихся в «естественном состоянии». В этой жизни ему виделся подлинный рай – рай простоты невинности и счастья. Его дикарь вел уединенную жизнь в тишине родных лесов, следовал собственным инстинктам и простым желаниям. Он обладал высшим благом – абсолютной независимостью. К сожалению, проведенные в XIX в. антропологические исследования полностью разрушили эту философскую идиллию. Выявилось нечто противоположное тому, о чем писал Руссо. «Дикарь, – пишет Э. Сидней Хартланд в книге “Первобытное право”, – отнюдь не был тем свободным, ничем не скованным существом, которого нарисовало Руссо его воображение. Напротив, со всех сторон его гнетут обычаи собственного народа; он закован в цепи древней традиции... Эти оковы принимаются им как нечто само собой разумеющееся; освободиться от них он и не помышляет... Эти наблюдения зачастую могут относиться и к цивилизованному человеку, но цивилизованный человек слишком непоседлив, слишком жаждет перемен, слишком склонен критиковать сущее, и это не позволяет ему долго пребывать в состоянии согласия с наличным положением»⁴.

Эти слова написаны двадцать лет назад, за это время мы усвоили новый урок, весьма унижающий наше человеческое достоинство. Мы узнали, что современный человек, несмотря на свою неуспокоенность (а может быть, и благодаря ей), в действительности так и не вышел из первобытного состояния. Оказавшись во власти этих сил, он с легкостью возвращается в состояние полного непротивления; переставая критиковать действительность, он вновь начинает принимать ее как данность.

В ряду всего неприятного, что принесли нам последние двадцать лет, это, наверное, наиболее шокирующее открытие. Сравнить его можно разве что с пережитым Одиссеем на острове Цирцеи. Но

нам было еще хуже: Цирцея придала друзьям и товарищам Одиссея облик различных животных. А в нашем случае речь идет о просвещенных и разумных мужах, о честных и прямодушных мужчинах, которые вдруг отказались от своих главных человеческих привилегий. Они перестали быть субъектами свободы, личностями. Выполняя одни и те же предписанные им ритуалы, они стали чувствовать и думать одинаково, стали говорить одно и то же. Их движения, жестикация выдают в них живых и равнодушных людей; но все это лишь выражения не настоящей жизни, имитации жизни. Фактически же ими управляет внешняя сила. И они движутся подобно марионеткам в кукольном театре, даже не зная о том, что в этом представлении, как и во всей индивидуальной и общественной жизни, кукловодами являются политические вожди.

Для понимания проблемы, перед которой мы стоим, это обстоятельство имеет огромное значение. В политической жизни всегда использовались методы принуждения и подавления. Но в большинстве случаев целью их было получение неких материальных результатов. Даже самые страшные деспотические системы довольствовались тем, что навязывали человеку определенные законы, касающиеся их образа действий. Чувства, суждения и мысли людей их не интересовали. Правда, в великих религиозных войнах чрезвычайные усилия были потрачены на то, чтобы управлять не только действиями людей, но и их сознанием. Но попытки эти были обречены на поражение; они лишь усиливали жажду обретения свободы вероисповедания. Совершенно иначе действуют современные политические мифы. Они начинают не с требования отмены или запрещения определенных действий. Для того чтобы регулировать поступки людей, они ставят перед собой задачу изменить самих этих людей. Политические мифы подобны змее, которая, прежде чем наброситься на свою жертву, пытается сначала парализовать ее. Люди стали их жертвами, даже не оказав им серьезного сопротивления. Они были покорены и уничтожены, прежде чем осознали, что происходит.

Для того чтобы оказать подобное воздействие, обычных мер политического подавления было недостаточно. Даже при самом сильном политическом давлении люди не прекращали жить своей жизнью. Всегда оставалась сфера личной свободы, которая и противостояла этому давлению. Этот классический этический идеал ан-

тичности поддерживал и укреплял их силы во времена хаоса, сопутствовавшего политическому упадку античного мира. Сенека жил во времена Нерона, находился при дворе тирана. Но это не помешало ему создавать в своих трактатах и письмах образцы возвышенных идей философии стоиков – идеи автономии воли и независимости мудреца. Наши современные мифы, еще до того как начали действовать, разрушили все эти идеи и идеалы. Так что с этой стороны им нечего опасаться. Анализируя книгу Гобино, мы исследовали те методы, с помощью которых была сломлена эта оппозиция. Миф о расе действовал подобно сильному разъедающему веществу, он растворил в себе, подверг распаду все прочие ценности.

Для того чтобы понять суть этого процесса, необходимо начать с анализа термина «свобода». Свобода является одним из самых туманных и неоднозначных терминов не только философского, но и политического языка. Стоит нам начать размышлять о свободе воли, как мы сразу же безнадежно увязнем в лабиринте метафизических вопросов и антиномий. Что же до политической свободы, она, как известно, служит одним из наиболее употребительных лозунгов, объектом постоянных злоупотреблений. Любая из политических партий будет уверять нас, что она – истинный представитель и гарант свободы. Но каждая из них всегда понимала это слово по-своему и использовала его в своих частных интересах. Этическая же свобода, в сущности, представляет собой нечто гораздо более простое. В ней нет тех неясностей, которые, как кажется, неизбежны и в метафизике, и в политике. Люди выступают в качестве свободных существ не потому, что обладают *liberum arbitrium indifferentiae*. Дело не в отсутствии мотива, а в характере мотивов, управляющих свободной деятельностью. В этическом смысле человек является субъектом свободы, если эти мотивы зависят от его собственного суждения и от его убеждения относительно существования морального долга. Согласно Канту, свобода тождественна автономии. Последняя не есть «индетерминизм», скорее, это особый вид детерминации. Автономия означает, что закон, которому мы повинемся в своих действиях, не навязан нам извне – сам субъект морали устанавливает себе законы.

Кант при разъяснении собственной теории всегда предупредил нас о возможности коренного недопонимания этого вопроса. Этическая свобода, заявлял он, представляет собой не факт, а

постулат. Она не *gegeben*, а *aufgegeben*: это не дар, которым наделена человеческая природа; это задача, причем самая сложная из всех, которые способен поставить самому себе человек. Это не данность, а требование – этический императив. Реализация его становится особенно трудной во времена суровых и опасных социальных кризисов, когда распад всей общественной жизни кажется неизбежным. В такие времена индивидуум начинает ощущать глубокую неуверенность в собственных силах. Свобода не является для человека естественным даром. Для того чтобы владеть ею, мы должны ее создать. Если бы человек ограничился следованием своим природным инстинктам, он не стал бы стремиться к свободе; скорее он предпочел бы зависимое положение. Очевидно, что гораздо проще зависеть от других, нежели думать и решать самому. В этом лежит объяснение тому факту, что и в личной, и в политической жизни свободу чаще считают бременем, чем привилегией. Оказавшись в крайне сложной ситуации, человек пытается освободиться от этого бремени. Тут и вступают в игру тоталитарное государство и политические вожди. По крайней мере, новые политические партии сулят избавление от указанной дилеммы. Они подавляют, разрушают само чувство свободы; но в то же самое время они освобождают человека от всякой ответственности⁵.

Это подводит нас к другому аспекту проблемы. В нашем описании современных политических мифов отсутствует одна из черт. Как уже говорилось, политическим лидерам тоталитарных государств пришлось взять на себя обязанность выполнения тех функций, которые в первобытных обществах выполнялись магами. Последние были абсолютными властителями; они были целителями, обещающими излечить общество ото всех его зол. Но и это было не все. В племени дикарей колдуном выполнялась еще одна важная задача. *Homo magus* одновременно является и *homo divinas*. Он открывает всем, какова воля богов, и предсказывает будущее. Роль утешителя в первобытных обществах прочна и незаменима. Но и на стадиях высшего развития политической культуры утешитель в полной мере сохраняет за собой изначальные права и привилегии. Например, в Риме без авгуров и гаруспиков не принималось ни одно важное решение, не начиналось ни одно сражение. Отправляясь в поход, римская армия всегда брала с собой гаруспиков: они были неотъемлемой частью войска.

И даже в этом отношении наша современная политическая жизнь внезапно вернулась к, казалось бы, безвозвратно позабытым формам. Конечно, это уже не та примитивная ворожба, гадание по жребию; мы уже не следим за траекторией полета птиц, не рассматриваем внутренности принесенных в жертву животных. Мы разработали куда более утонченные и продвинутые методы прозрения – методы, претендующие на научность и философичность. Но при всем изменении методов сами по себе практики прозрения никоим образом не исчезли. Великие политики современности прекрасно понимают, что массы гораздо лучше поддаются силе воображения, нежели грубой физической силе. И этим знанием они прекрасно умеют пользоваться. Политик превращается в подобие гадалки. Пророчества же становятся неотъемлемым элементом новой техники управления. Последняя предполагает раздачу самых смелых, порой невероятных обещаний; вновь и вновь слышатся предсказания относительного наступления миллениума.

Интересно, что это новое искусство духовидения впервые зародилось не в немецкой политике, а в немецкой философии. В 1918 г. появилась книга О.Шпенглера «Закат Европы». Пожалуй, раньше ни одна книга по философии не пользовалась столь сенсационным успехом, как эта. Она была переведена почти на все языки, ее читали самые разные люди: философы и ученые, историки и политики, предприниматели и просто люди с улицы. В чем же заключалась причина столь беспрецедентной популярности, что составляло основу магического воздействия ее на читателей? Как ни парадоксально, но мне кажется, что причину успеха Шпенглера следует искать скорее в заглавии книги, а не в ее содержании. Именно название книги – «Der Untergang des Abendlandes» – было той электризирующей искрой, которая так распалила воображение читателей Шпенглера. Книга вышла в свет в июле 1918 г., в конце Первой мировой войны. К тому времени если не все, то многие из нас осознали, что что-то подгнило в государствах – представителях нашей столь восхваляемой западной цивилизации. Книга Шпенглера стала резким и язвительным выражением вызванного этим сознанием всеобщего чувства неловкости. Эта книга вовсе не была научной. Все научные методы презирались и открыто критиковались Шпенглером. «К природе, – заявлял он, – следует подходить научно, исторически и поэтически». Но истинный смысл

творчества Шпенглера заключался даже не в этом. Поэт живет в собственном воображаемом мире, а великие поэты, такие как Данте или Мильтон, живут также и в мире пророческих видений. Но эти видения они не принимают за реальность и не делают из них философии истории, как Шпенглер. Он же похвалялся тем, что нашел новый метод предсказания исторических и культурных событий тем же способом и с той же степенью точности, с какой астрономы предсказывают солнечные и лунные затмения. «В этой книге впервые предпринимается попытка предопределить историю, пройти через еще не пройденные ступени истории культуры, точнее, той единственной культуры нашего времени на нашей планете, которая реально находится в фазе самоосуществления – речь идет о евро-американском Западе».

Эти слова содержат ключ к пониманию книги Шпенглера и оказанного ей огромного влияния. В ней постулируется возможность не только пересказать историю человеческой цивилизации, но и предопределить ее будущий ход, что, конечно, представляет собой огромное достижение. Очевидно, что думающий так человек не был ни простым ученым, ни историком, ни философом. Согласно Шпенглеру, восхождение, упадок и распад цивилизаций не зависит от так называемых законов природы. Все это предопределяется некой высшей силой, силой судьбы. Именно она, а не причинность является движущей силой человеческой истории. Рождение мира культуры, говорит Шпенглер, всегда являет собой мистический акт, перст судьбы. Такие акты совершенно не поддаются описанию средствами наших скудных абстрактных, научных или философских понятий.

«Культура зарождается в момент, когда некая великая душа пробуждается от протодуховного состояния, присущего вечному детству человечества, – пробуждается и отделяет себя как форма от бесформенности, как ограниченная смертная сущность от безграничной и непрерывно сущей. Она умирает после того, как эта душа актуализирует полную сумму своих возможностей – в виде народов, языков, догм, искусств, состояний, наук – и возвратится в лоно протодуши»⁶.

Здесь мы вновь сталкиваемся с возрождением одного из древнейших мифических мотивов. Почти во всех мифологиях мира мы находим идею неумолимой, неизбежной, неотвратимой судьбы.

Кажется, фатализм неразрывно связан с мифическим мышлением. В поэмах Гомера боги подчиняются Року: Рок (Мойра) действует независимо от Зевса. В десятой книге «Государства» Платон дает свое знаменитое описание «оселка необходимости», вокруг которого вращаются все небесные тела. Эту ось держит у себя на коленях Необходимость, а на тронах восседают дочери Необходимости Лахесис, Клото и Атропос; Лахесис поет о прошлом, Клото – о настоящем, а Атропос – о будущем⁷. Этот миф сочинил Платон, а он всегда проводил четкое различие между мифической и философской мыслью. Но у некоторых современных философов это различие, кажется, полностью стерто. Их метафизика истории обладает всеми характерными чертами мифа. Случилось так, что, когда я впервые читал «Der Untergang des Abendlandes» Шпенглера, я был погружен в исследование философии итальянского Возрождения. В то время меня больше всего поразила четкая аналогия между книгой Шпенглера и некоторыми недавно прочитанными мною астрологическими трактатами. Конечно, Шпенглер не пытался вычислить будущее цивилизаций по звездам. Но его прогностика относится к тому же самому типу, что и астрологические предсказания. Астрологам Ренессанса недостаточно было исследовать судьбу индивидуумов. Свой метод они применяли также к великим явлениям истории и культуры. Один из астрологов был осужден церковью и сожжен на костре за то, что он составил гороскоп Христа и на основе его параметров предсказал крах христианской религии. Книга Шпенглера фактически представляла собой астрологию истории – произведение предсказателя, поведавшего нам о своих мрачных апокалиптических видениях.

Но можно ли связать творчество Шпенглера с политическими пророчествами более поздних периодов? Допустимо ли ставить то и другое на один уровень? На первый взгляд подобная параллель кажется крайне сомнительной. Шпенглер был пророком зла, новые же политические вожди стремились породить в своих последователях самые неумеренные надежды. Шпенглер говорил об упадке Запада, тогда как другие теоретики – о покорении мира германской расой. Это явно разные подходы. К тому же Шпенглер не питал личных симпатий к нацистскому движению. Правда, он был консерватором, почитателем и восхвалителем старых прусских идеалов. Но программа создания новых людей не привлекала его.

И тем не менее произведение Шпенглера стало одним из первых изложений идей национал-социализма. Ибо какое следствие вывел Шпенглер из своего общетеоретического тезиса? Он неистово протестовал против причисления его философии к разряду пессимистических учений. Он утверждал, что не является пессимистом. Пусть наша западная цивилизация обречена. Но нет смысла сетовать на этот очевидный и неизбежный факт. Если наша культура и будет утрачена, на долю нынешнего поколения выпадут другие вещи, возможно, даже лучшие, чем то, что мы имеем сейчас.

«О великой живописи или великой музыке населения Запада уже не может быть и речи... Им остались лишь *внешние* возможности. И все же я не думаю, что здоровое и сильное поколение, исполненное безмерных надежд, пострадает от того, что со временем оно обнаружит, что некоторые из этих надежд не оправдались... Конечно, для некоторых индивидуумов, чьи решающие годы прошли с убеждением, что в области архитектуры, драмы, живописи *они* не знают себе равных, это может стать трагедией. Что из того, если они канут в безвестность!.. наконец в наши дни все сделанное западноевропейцами позволяет им сопоставить сделанное ими с общей культурной схематикой и проверить тем самым собственные силы и цели. Могут лишь надеяться, что люди нового поколения будут подвигнуты этой книгой на то, чтобы посвятить себя технике, а не лирике, морю, а не кистям, политике, а не эпистемологии. Лучшего они не смогли бы и сделать»⁸.

Техника вместо лирики, политика вместо эпистемологии – этот совет философа человеческой культуры весьма понятен. Новые люди того времени были убеждены, что они выполнили пророчество Шпенглера. Они поняли его по-своему. Если наша культура с ее наукой, философией, поэзией и искусством мертва, начнем сначала. Испробуем новые возможности, создадим новый мир и станем его хозяевами.

То же направление мысли различимо в творчестве современного немецкого философа, имеющего на первый взгляд очень мало общего со Шпенглером и дополнившего его теорию совершенно независимо от него. В 1927 г. Мартин Хайдеггер опубликовал первый том своей книги «*Sein und Zeit*». Хайдеггер был учеником Гуссерля и считался одним из выдающихся представителей немецкой феноменологической школы. Его книга появи-

лась в гуссерлевском «Ежегоднике философского и феноменологического исследования»⁹. Но осуществленный в этой книге подход был диаметрально противоположен духу гуссерлевской философии. Гуссерль начинал с анализа принципов логического мышления. От результатов этого анализа зависит вся его философия. Его главной целью было превратить философию в «точную науку», основанную на незыблемых фактах и не подлежащих сомнению принципах. Все это совершенно чуждо Хайдеггеру. Он не признает ничего похожего на «вечную» истину, на платоновское «царство идей» или строгий научный метод философской мысли. Все эти вещи объявляются им ускользающими сущностями. Тщетны наши стремления создать логически непротиворечивую философию; все, что мы можем создать, это *Existenzialphilosophie*. Такая экзистенциальная философия не претендует на постижение объективной и универсально значимой истины. Ни один мыслитель не может постичь большего, чем истина собственного существования, и это существование носит исторический характер. Она связана с теми особенными условиями, в которых протекает жизнь отдельных людей. Изменить эти условия невозможно. Для выражения собственных идей Хайдеггеру пришлось ввести новый термин. Он говорил о *Geworfenheit* (заброшенности) человека. Заброшенность в поток времени есть фундаментальная и неизменная черта нашей человеческой ситуации. Мы не можем ни выйти из потока, ни изменить его направление. Нам приходится принять исторические условия нашего существования. Мы можем попытаться понять и проинтерпретировать их, но изменить их мы не можем.

Я не хочу сказать, что эти философские учения имели прямое влияние на развитие политических идей в Германии. Большинство этих идей имели совсем иные источники. По своей цели они были очень «реалистичными», а отнюдь не «спекулятивными». Но эта новая философия преуспела в том смысле, что ей удалось ослабить и постепенно подорвать силы, которые могли противостоять современным политическим мифам. Философия истории, состоящая в мрачных предсказаниях упадка и неизбежного краха цивилизации, и теория, которая видит в *Geworfenheit* одну из главных черт человека, оставили надежды на активное участие человека в конструкции и реконструкции жизни человеческой культуры. Такая

философия отказывается от собственных теоретических и этических идеалов. Поэтому ее можно использовать в качестве подходящего инструмента в руках политических вождей.

Возврат фатализма в наш современный мир подводит нас к другому общему вопросу. Мы гордимся своим естествознанием, но не следует забывать, что таковое является весьма поздним достижением человеческого духа. Даже в XVII в., в эпоху Галилея и Кеплера, Декарта и Ньютона, оно еще далеко не оформилось. Ему еще предстояло побороться за свое место под солнцем. В эпоху Ренессанса все еще преобладали так называемые оккультные науки – магия, алхимия и астрология; у них даже наблюдался новый расцвет. Кеплер был первым великим астрономом-эмпириком, сумевшим описать в математических формулах движение планет. Но этот первый шаг дался ему совсем не легко, ибо Кеплеру пришлось бороться не только со своим временем, но и с самим собой. Астрономия и астрология все еще существовали слитно. Сам Кеплер был назначен астрологом при пражском императорском дворе, а в конце жизни стал астрологом Валленштайна. То, как ему в конце концов удалось освободить себя, составило одну из важнейших и интереснейших глав в истории современной науки. Он так никогда полностью и не порвал с астрологическими представлениями. Астрономию он называл дочерью астрологии и утверждал, что не к лицу дочери игнорировать мать. Вплоть до XVII–XVIII вв. нашей эры невозможно было провести линию водораздела между эмпирическим и мистическим мышлением. Вплоть до Роберта Бойля и Лавуазье не существовало научной химии в современном значении этого слова.

Что могло изменить такое положение дел? Как смогло естествознание после бесчисленных неудачных попыток наконец освободиться от чар магии? Принцип, лежавший в основании этой великой интеллектуальной революции, лучше всего описать словами Бэкона, одного из пионеров современной эмпирической мысли: «*Natura non vincitur nisi parendo*» – победа над природой дается исключительно послушанием. Целью Бэкона было превращение человека в хозяина природы. Но это господство следует понимать правильно. Человек не может покорять природу, поработать ее. Если он хочет управлять ею, он должен ее уважать, подчиняться ее фундаментальным правилам. Человек должен начинать с освобождения себя самого, освободиться от своих ошибок и иллюзий,

идиосинкразий и причуд. В первой книге «Нового Органона» Бэкон попытался представить систематический обзор этих иллюзий. Он перечислил различных «призраков» – *idola tribus*, *idola specus*, *idola fori*, *idols theatri*¹⁰ – и предложил способы избавления от них с целью расчистки пути к истинной эмпирической науке.

В политике мы еще не нашли такого пути. Изю всех присущих человечеству идолов политические, ***idola fori***, являются наиболее опасными и устойчивыми. Со времен Платона все великие мыслители более всего стремились найти рациональную теорию политики. XIX в. был убежден, что ему удалось найти истинный путь к такой теории. В 1830 г. Огюст Конт опубликовал первый том своего «Курса позитивной философии». Начал он с анализа структуры естествознания, затем стал переходить от астрономии к физике, от физики к химии, от химии к биологии. Но, согласно Конту, естествознание было лишь первым шагом. Его главной честолюбивой целью должна была стать роль основателя новой науки об обществе с привнесением в эту последнюю нового, точного образа мысли, тех самых индуктивных и дедуктивных методов, которые мы находим в физике и химии.

Внезапное возрождение политических мифов в XX в. показало, что надежды Конта и его учеников были несколько преждевременными. Политике все еще далеко до превращения в позитивную науку, не говоря уже о точной науке. Не сомневаюсь, что последующие поколения будут смотреть на наши политические системы с тем же чувством, с каким современные астрономы листают книгу по астрологии или будущий химик читает трактат по алхимии. В политике нами еще не обретенны твердые и надежные основания. В этой сфере для нас еще не существует ясно установленного космического порядка; над нами всегда висит угроза впадения в прежний хаос. Мы строим высокие величественные здания, но забываем подвести под них надежный фундамент. На протяжении сотен и тысяч лет в человеческой истории господствовала вера, что умелое применение магических формул и ритуалов способно изменить ход природных процессов. Несмотря на бесчисленные разочарования и фрустрации, человечество продолжает упрямо и отчаянно цепляться за эту веру. Поэтому совсем неудивительно, что и в политическом действии, и в политической мысли у нас все еще сильно магическое начало. Между тем, когда малые группы

пытаются все-таки навязать великим нациям и государству в целом свои желания и свои фантастические идеи, на короткое время это им может удалиться, они могут даже достичь триумфа, но все эти победы будут эфемерными, так как, в конце концов, у социального мира есть своя логика, точно так же, как есть она у физического мира. Существуют определенные законы, которые нельзя нарушать безнаказанно. И в этой сфере мы должны следовать совету Бэкона. Нам нужно научиться подчиняться законам социального мира, прежде чем мы попытаемся управлять им.

Чем способна помочь нам философия в этой борьбе с политическими мифами? Кажется, современные философы давным-давно отказались от надежды оказывать влияние на ход политических и социальных процессов. Наиболее высокого мнения относительно ценности философии, ее достоинства придерживался Гегель. Тем не менее именно он заявлял, что философия с запозданием подключается к реформированию мира. Поэтому столь же глупо вообразить, будто философия может выйти за пределы настоящего, сколь думать, что индивид может выпрыгнуть из своего времени. «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»¹¹. Если это гегелевское высказывание верно, то философию следует обречь на абсолютный квиетизм, совершенно пассивное отношение к исторической жизни человека. Она якобы призвана всего-навсего принимать и объяснять наличную историческую ситуацию, склоняя перед ней голову. В этом случае философия окажется не более чем разновидностью созерцательного безделья. Думаю, однако, что подобное противоречит как общему характеру философии, так и ее истории. Для того чтобы опровергнуть этот взгляд, достаточно одного классического примера Платона. Великие ученые прошлого отражали не только их собственное время. Очень часто им приходилось думать вне своего времени и вопреки ему. И несмотря на это интеллектуальное и моральное мужество, философия не могла выполнять своей истинной задачи в культурной и социальной жизни человека.

Философия не в силах разрушить политические мифы. В некотором смысле миф неуязвим. Он не поддается логической аргументации; его не опровергнешь при помощи силлогизмов. Но филосо-

фия может сослужить нам другую важную службу. Она помогает нам понять противника. А чтобы сражаться с врагом, нужно знать его. Это один из первых принципов любой здоровой стратегии. Знание противника не сводится к знанию его слабостей и недостатков; оно включает в себя также и знание его силы. Каждому из нас дано ее познать. Впервые услышав о политических мифах, мы нашли их настолько нелепыми и неуместными, настолько фантастичными и смехотворными, что нас с трудом убедили воспринимать их всерьез. Теперь же всем нам ясно, насколько сильно мы ошибались. Мы не должны дважды совершать одну и ту же ошибку. Нам следует тщательно изучить происхождение, структуру, методы и технику политических мифов. Если мы хотим дать отпор противнику, нам надо прямо взглянуть ему в лицо.

Перевод И.И. Мюрберг

Примечания

- ¹ Cassirer E. *The Myth of the State*. New Haven—L.: Yale Univ. Press, 1966. P. 277–296.
- ² Malinowski B. *The Foundations of Faith and Morals*. L., 1936. P. 32 f.
- ³ Carlyle T. *On Heroes*. Lect. 1. P. 13 ff. Centenary ed., V, 13.
- ⁴ Hartland E.S. *Primitive Law*. L., 1924. P. 138.
- ⁵ Стефен Раушенбуш рассказывает: «Я разговаривал с немецким бакалейщиком, согласившимся разъяснить ситуацию мне, приезжему американцу. Я сказал ему о нашем чувстве утраты чего-то бесценного, которое посещает нас, когда приходится отказываться от свободы. В ответ он сказал: «Но вы же ничего не понимаете. Раньше нам приходилось волноваться по поводу выборов, партии, голосования. У нас были обязанности. Теперь же у нас ничего этого нет. Теперь мы свободны» (См.: *Rauschenbush S. The March of Fascism*. New Haven, 1939. P. 40).
- ⁶ Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes*. München, 1918. English translation by Charles F. Atkinson *The Decline of the West*. L., 1926. P. 106. См. главу IV «Идея судьбы и принцип причинности».
- ⁷ Платон. *Государство*, 616 f.
- ⁸ Spengler O. *Op. cit.* P. 40 f.
- ⁹ *Jahrbücher für Philosophie und Phänomenologische Forschung*. Vol. VIII, (2nd ed. Halle, Niemeyer, 1929).
- ¹⁰ Призраки рода, призраки пещеры, призраки площади, призраки театра (лат.)
- ¹¹ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 56.